

А.В. Загребельный

АВТОРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЧНО-ПОГОВОРОЧНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА 1905–1907 гг., ОБРАЗОВАННЫЕ НА БАЗЕ ГЕНЕРАЛИЗОВАННЫХ СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ ПАРЕМИЙ-ИСТОЧНИКОВ

Рассмотрен один из механизмов образования авторских паремий русского языка периода 1905–1907 гг., состоящий в использовании генерализованных структурных моделей рядов существующих в языке паремий, имеющих схожие структуры и смысловое наполнение. Выполнен лингво-семиотический и культурно-исторический анализ авторских паремий «*Всякая скотина идет ко двору*»; «*Кому жандарм, а тебе дяденька*»; «*Каков кабинет, таков и бюджет*», определены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: авторская паремиология; генерализованная структурная модель паремии; анализ авторских паремий; широкий экстралингвистический контекст; язык политической сферы; пословица; поговорка; пословично-поговорочное выражение.

Паремии, являясь своеобразными языковыми аккумуляторами народной мудрости, всегда привлекали внимание исследователей. Сложность объекта изучения обусловила отсутствие общепринятого определения паремии, классификации данных единиц языка. Нет единого мнения ученых и в вопросах о месте паремий в языковой системе, их соотношении с другими единицами языка, определении статуса появляющихся паремий (проблема отнесения их к единицам языка или речи), методике их анализа и пр. За последние 20 лет в свет вышли сотни научных статей, посвященных различным аспектам исследования паремий, было защищено множество диссертаций. В центре внимания современных ученых-языковедов – общие вопросы теории и практики изучения паремий [1–5], семантика и функционирование паремий в русском и иностранных языках [6–8], объективация концептов паремиями [9–13], образование новых и трансформации существующих паремий [14–19], отражение картины мира в паремиологическом фонде языка [20–22], семантико-грамматические аспекты исследования паремий [23, 24], вопросы структурной паремиологии [25] и пр.

Наиболее интересным и перспективным в современной паремиологии представляется направление исследований новых паремий русского языка, в рамках которого решаются такие актуальные задачи, как регистрация традиционных и новых паремий, а также фиксация и функционально-стилистическая интерпретация их трансформ [15. С. 4].

В связи с тем, что в настоящее время «специализированное лингвистическое исследование русских антипословиц... ориентируется преимущественно на материалы современной прессы» [15. С. 9], особую актуальность приобретают научные изыскания в области исторической авторской паремиологии.

В ходе исследования текстов общественно-политических сатирических журналов периода первой русской революции было выявлено свыше 40 авторских паремий (*Старого воробья на овсе не поймаешь; Каков кабинет, таков и бюджет; Не красна Москва домами, а кровавыми следами; На войско надейся, а сам уезжай; Не все то золото, что лежит в Государственном банке; Бей, адмирал – наместником будешь; Люди думают, – так до чего-нибудь додумываются, а мы с нашей Думой из раздумья не выходим; Вот тебе, бабушка, и конституция; Корми сына до поры: вырастет – в тюрьму на казенные хлеба сядет* и др.). В других источниках начала XX в. (документах политических партий, воспоминаниях политических деятелей, стенографических отчетах заседаний депутатов Государственной думы, художественных произведениях и пр.) указанные авторские паремии не были обнаружены. Выявленные единичные примеры употребления авторских паремий никак не свидетельствуют о том, что данные новые образования не употреблялись активно в устной речи. Сложно себе представить, чтобы малые по объемам, но значительные по тиражам и количеству наименований журналы общественно-политической сатиры, которых «... в 1905–1907 гг. на русском языке вышло 263...» единицы [26. С. 21], активно не читались и не обсуждались в народе. Историки отмечают, что в период первой русской революции средства массовой информации распространялись в самых отдаленных уголках России: «в деревне в большом количестве распространялись газеты, брошюры, прокламации» [27. С. 431].

Цель настоящей статьи заключается в лингво-семиотическом и культурно-историческом анализе авторских пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений русского языка периода 1905–1907 гг., образованных на базе генерализованных структурных моделей функционирующих в языке паремий, на примере следующих выявленных единиц языка: *Всякая скотина идет ко двору; Кому жандарм, а тебе дяденька; Каков кабинет, таков и бюджет*.

Опираясь на работы В.П. Жукова, Е.Ю. Пономаревой, Н.Н. Амосовой, В.П. Фелицыной, З.К. Тарланова, В.Г. Дидковской, Л.А. Петровой, паремию мы будем рассматривать как языковую единицу, представляющую собой устойчивое воспроизводимое выражение предикативной структуры, выражающее суждение, «... являющееся маркером ситуаций или отношений между реалиями» [12. С. 132], «... в котором получают отражение и оценку культурно значимые феномены народной жизни» [28–31; 32. С. 69].

Пословица рассматривается нами как «... устойчивое выражение, образованное из деактуа-

лизированных компонентов, то есть компонентов, у которых полностью утрачены связи с первоначальными областями референции, и имеющее структуру предложения, характеризующееся наличием предикативности, неделимого значения» [33. С. 222], поговорка – как устойчивое выражение (зачастую назидательного, поучительного характера), имеющее лишь буквальный план (т.е. образованное на базе сохранивших свое исходное значение слов-компонентов) и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение [33. С. 7; 34. С. 11].

Под пословично-поговорочным выражением нами будет пониматься «... устойчивое выражение, образованное на базе деактуализированных и неактуализированных (сохранивших первоначальное значение) компонентов и имеющее структуру предложения» [28; 29; 33. С. 222].

Анализируя подвергшиеся различным структурно-семантическим трансформациям общеизвестные паремии, представляется принципиально важным определить с их терминологическим наименованием. Несмотря на наличие значительного количества научных исследований, посвященных изучению новых паремий, единства взглядов ученых в этом вопросе нет: в научной литературе подобные образования именуют антипословицами [15, 16, 19, 36–38], авторскими выражениями, трансформами [17], паремиями-трансформами [18], индивидуально-авторскими квазипаремиями [32], слоганами-трансформами и слоганами-конструктами [39], новыми паремиями [40], квазифоризмами и квазипословицами [41], неопословицами [42].

В нашем исследовании для обозначения данных образований мы будем использовать составное терминологическое наименование *авторская паремия*, определяя его как вариант функционирующей в языке паремии, образованный конкретным человеком (группой людей) посредством использования соответствующего высшего логико-семиотического инварианта (в терминологии Г.Л. Пермякова), не приводящего к потере «узнаваемости» исходной структуры структурно-семантических трансформаций, в целях реализации конкретной, детерминированной определенными экстралингвистическими факторами, прагматической задачи автора.

Именуя в нашем исследовании трансформы классических паремий авторскими паремиями, мы акцентируем внимание на происхождении данных образований: все они создавались конкретными людьми (возможно, группами лиц) и использовались, по причине своей необычной формы, в качестве средств привлечения внимания читательской аудитории и акцентуации или экспликации определенных функциональных (прагматических) элементов [18. С. 5]. Имена авторов новых паремий нам не известны: в лучшем случае в журнальных статьях, презентующих данные паремии, указывался псевдоним. Так, например, в № 24 журнала «Зритель» за 1905 г. под перечнем опубликованных авторских паремий размещена подпись «УЖЪ».

Несмотря на то, что авторские паремии являются продуктом преобразования классических паремий

русского языка, данные единицы лишены ряда ключевых дифференциальных признаков паремий, на что указывают современные лингвисты. Так, Е.Е. Жигарина отмечает, что «специально создаваемые видоизмененные пословицы действительно обладают нетрадиционной структурой и специфическим набором функций, значительно отличающимся от тех, который принято ассоциировать с привычным текстом» [24. С. 8]. Под «привычным текстом» Е.Е. Жигариной как раз и понимается традиционная паремия. Х. Вальтер и В.М. Мокиенко отмечают, что антипословицы «по сравнению с традиционными паремиями... как бы нарочито «приземлены» и обычно не отрываются от конкретно-бытового концепта, их породившего» [15. С. 5]. По мнению С.В. Буренковой, «псевдопословицы отличаются от традиционных пословиц, кроме того, тем, что они, как правило, недолговечны, их существование в языке кратковременно. В отличие от настоящих изречений, модифицированные пословицы лишены такого важного признака, как широкая известность» [43. С. 82]. «Недолговечность» существования в языке авторских паремий, по всей видимости, является следствием их привязки к историческим реалиям, обусловившим их появление. В итоге авторская паремия может быть лишена таких признаков классических паремий, как воспроизводимость, выражение вневременной житейской мудрости, назидательности, поучительности.

При проведении анализа отобранных языковых единиц мы будем опираться на разработанную Г.Л. Пермяковым методику структурного (лингвосомиотического) анализа паремий [44, 45], использовать методы компонентного анализа и анализа словарных дефиниций.

В связи с тем, что рассматриваемый языковой материал ранее не становился предметом изучения других ученых-лингвистов, а также по причине отсутствия в современной лингвистике методики анализа исторически дистанцированных и политически детерминированных авторских паремий, представляется важным кратко представить общую логику анализа данных образований, привести определения используемых терминов, дать характеристику источников, в которых были выявлены авторские паремии.

На начальном этапе исследования был сформирован общий перечень выявленных авторских паремий. Далее – определены цель и задачи работы. Анализ выявленных единиц строится по следующей схеме: 1) на основании обращения к словарям пословиц и поговорок русского языка определяется паремия – источник трансформации, под которой понимается классическая паремия русского языка, структурно-содержательная основа которой послужила базой для образования новой языковой единицы; 2) приводится выражаемое ей суждение; 3) на основе сопоставления компонентного состава паремии-источника и выражаемого ей суждения определяется ее тип (пословица, поговорка, пословично-поговорочное выражение). Определение типа паремии-источника важно для последующего сопоставления с типом ее трансформации. Данное сопоставление позволяет сделать вывод об изменении степени «идиоматичности» классической

паремии в процессе ее трансформации, что, в свою очередь, необходимо для выявления характера взаимосвязи между реализуемой авторской паремией конкретной прагматической задачей акцентировать внимание читателя на определенной информации, самой формой представления этой информации и способностью читательской аудитории корректно воспринять новый смысл. К тому же, как известно, «употребление паремий-трансформов на страницах прессы провоцируется борьбой за читательский интерес...» [18. С. 3], а успех в этой борьбе может быть достигнут лишь в одном случае – при наличии полного понимания читателем заложенного, как правило, неизвестным автором смысла в новую паремию. На данном этапе исследовательской работы можно лишь предположить, что установка на понимание многочисленными читателями заложенного смысла должна была неминуемо приводить к регрессии степени «идеоматичности»; 4) приводятся структурные схемы паремии-источника и образованной на ее основе авторской паремии; 5) устанавливается принадлежность авторской паремии и ее системного прототипа к конкретному высшему логико-семиотическому инварианту, объективирующему положенную в основу исходной паремии и ее трансформации типическую ситуацию; 6) определяются логико-тематические группы, в составы которых входят паремия-источник и авторская паремия; 7) приводятся значения слов-компонентов анализируемой авторской паремии, дается (при наличии возможности) сумма данных значений; 8) приводится анализ экстралингвистического контекста, обусловившего появление новой паремии; 9) дается краткая содержательная характеристика других материалов, опубликованных в тех же выпусках журналов, что и исследуемые авторские паремии (это необходимо для подтверждения правильности «прочтения» содержания авторских паремий); 10) формулируется выражаемое авторской паремией суждение (суждения); 11) определяется тип авторской паремии.

В настоящей статье анализируются авторские паремии, образованные на базе генерализованных структурных моделей паремий-источников. Количество таких образований в общей массе выявленных авторских паремий невелико и составляет 5 единиц: *Всякая скотина идет ко двору; Каков кабинет, таков и бюджет; Кому жандарм, а тебе дяденька; Те же петли, да не на те бы головы; Конституция не балалайка – поиграешь, на стену не повесишь*. Последние две авторские паремии уже были рассмотрены нами в предыдущих работах [33, 46].

Авторские паремии, образованные на базе генерализованных моделей ряда структурно и семантически схожих паремий, противопоставлены всем другим авторским паремиям тем, что в процессе их образования использовалась не какая-то конкретная паремия, а целый ряд паремий. Возникает закономерный вопрос: почему нельзя считать все послужившие основой для новой единицы языка классические паремии – источниками трансформации? Конечно же, в широком смысле каждая из таких паремий, несомненно, выступает в качестве паремии-прототипа, привносит что-то «свое» в «конечный продукт», однако, руководству-

ясь изложенной выше логикой анализа авторских паремий, отсутствие возможности выбрать какую-либо одну классическую паремию из ряда других паремий, послуживших основой трансформации, вследствие их структурных и содержательных различий является, на наш взгляд, достаточным основанием для дифференциации авторских паремий, образованных на базе конкретных классических паремий, и образованных посредством генерализации ряда структурно и содержательно схожих паремий.

Все выявленные нами авторские паремии приведены однократно в отдельных рубриках журналов общественно-политической сатиры 1905–1907 гг. Так, например, на странице 6 выпуска № 24 журнала «Зритель», изданного в декабре 1905 г., авторские паремии представлены следующим образом: «Пословицы. 1. Снявши голову, не вешают. 2. Те же петли, да не на те бы головы. 3. Ешь щи с червями, а язык держи за зубами. 4. Царский манифест – для известных мест. 5. Всякая скотина идет ко двору. УЖЬ». Данный перечень авторских паремий нельзя назвать текстом по причине отсутствия таких ключевых дифференциальных признаков, свойственных тексту как высшей коммуникативной единице, как наличие объединенной смысловой связи последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [47. С. 507]. Таким образом, мы вынуждены констатировать отсутствие собственно лингвистического контекста употребления анализируемых авторских паремий, понимая под контекстом «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [47. С. 238]. Тем не менее необходимость подтверждения полученных результатов содержательного анализа авторских паремий, выражаемых ими политически детерминированных суждений, определяет важность обращения к их ближайшему языковому «окружению». В итоге мы будем в рамках настоящей статьи использовать термин «контекст», понимая под ним не часть текста по отношению к анализируемой единице, а совокупность языковых единиц, составляющих наполнение рубрики, в которой данная анализируемая единица представлена. Также, по мере необходимости, нами будут приводиться краткие характеристики других размещенных в журналах материалов.

В связи с тем, что образование авторских паремий русского языка начала XX в., как показывает практика анализа, нередко связано с обыгрыванием тех или иных современных автору резонансных событий, действий, а также обстоятельств, при которых данные действия были совершены, характеристик реалий и т.д., в работе мы также по мере необходимости обращаемся к понятию языковой игры. Сами же вопросы обыгрывания существующих пословиц и поговорок и использования приемов языковой игры при создании авторских паремий неоднократно поднимались лингвистами [48. С. 314–319; 19; 49; 50 и др.].

Учитывая отсутствие в лингвистике единого мнения исследователей относительно статуса авторских

паремий, представляется важным кратко сформулировать позицию автора.

В вопросе об определении принадлежности авторских паремий к единицам языка или речи мы исходим из того, что изначально системный характер имеют структурные модели (в том числе и генерализованные) классических паремий, на базе которых образуются их трансформы. Использование «оболочек» общеизвестных паремий в качестве основ для образования новых единиц языка всегда преследует одну и ту же цель – доведение до широкой аудитории авторского отношения к конкретным явлениям, событиям современной автору паремии реальности. Принципиально важным в процессе создания паремии-трансформа является сохранение структуры (формальной и содержательной) паремии-источника, так как именно наличие общеизвестной основы обуславливает узнаваемость новой единицы. В свою очередь, «...“эффект узнавания” любой трансформы пословицы – необходимое условие ее популярности и функционирования» [15. С. 12]. Сам факт узнавания в авторской паремии ее системного прототипа свидетельствует о ее языковом (не речевом) статусе. Подобную логику рассуждений находим, например, в работах В.М. Мокиенко и Х. Вальтера [14–16].

Таким образом, в данном исследовании вслед за В.М. Мокиенко, Х. Вальтером, М.А. Сташковой и другими учеными нами рассматриваются авторские паремии в качестве языковых единиц.

Как было отмечено ранее, одной из задач настоящего исследования является научное обоснование узнаваемости носителями языка структурно-смысловых моделей функционирующих в языке паремий, послуживших основой для создания авторских паремий. Данная задача решается нами с опорой на труды Г.Л. Пермякова, Л.И. Швыдкой, С.С. Кузьмина, В.М. Мокиенко, Л.П. Дядечко, С.И. Гнедаш, Е.В. Жигариной, Н.Н. Федоровой и др. [15, 16, 38; 41, 51–53]. Обосновывая узнаваемость в авторской паремии ее системного прототипа, ученые-языковеды ссылаются на структурно-смысловое сходство производящего и производного (может иметься в виду не собственно тематическое сходство, а общность выражаемой типической ситуации) [15, 16, 38], хорошее знание русского языка, языковую интуицию. Так, Л.И. Швыдка, ссылаясь на работы И.Н. Горелова, К.Ф. Седова, С.С. Кузьмина и Л.П. Дядечко, отмечает, что одним из факторов неразрывной связи паремии-источника и авторской паремии выступает «...вероятностное прогнозирование отрезка текста на основе прошлого опыта, каковым можно считать стереотипное использование той или иной пословицы», т.е. «...как только мы слышим часть идиомы или пословицы, мы автоматически дополняем ее до исходной единицы...» [38. С. 236]. Апеллируя к трудам И. Сандомирской и Н.Г. Брагиной, Л.И. Швыдка отмечает, что «...данный психолингвистический фактор обеспечивает коллективную культурную идентичность как форму коллективной лингвокультурной памяти» [Там же]. Несколько иной позиции придерживается в этом вопросе Ю.В. Бутько, рассматривающая авторские паремии в качестве специально смоделированных

объектов языковой игры. По ее мнению, узнаваемость черт системного прототипа в новой паремии обеспечивается за счет лингвистической интуиции и «эвристичности» языкового мышления [19. С. 146]. Н.Н. Федорова отмечает, что «прототип классической пословицы, стоящий за... трансформами, легко узнается носителями языка» [53. С. 6].

Мы исходим из того, что образование новой авторской паремии возможно только при сохранении структуры логико-семиотического инварианта (в терминологии Г.Л. Пермякова) ее системного прототипа с появлением привязки к конкретным реалиям окружающего мира [38. С. 238], а узнаваемости структурно-смысловой модели паремии-источника, «просвечивающей» сквозь форму новообразованной единицы языка, как раз и способствует их (паремии-источника и авторской паремии) структурно-смысловое сходство: «...подавляющему большинству... пословиц можно найти прототип или хотя бы типологическую и структурную модель в русской «классической» паремиологии» [15. С. 12].

Обращение к разработанной Г.Л. Пермяковым теории структурной паремиологии и методике логико-семиотического анализа паремий при обосновании узнаваемости авторских паремий не является чем-то новым в языкознании. Так, например, Л.И. Швыдка, анализируя ряд авторских паремий, отмечает, что «в них сохраняется структура логико-семиотического инварианта прототипа и его тематического значения...» [38. С. 238]. При этом, исходя из содержания работы Л.И. Швыдкой, приведенное выше утверждение относится не только к конкретным авторским паремиям, а в целом к любым паремиям-трансформам. Типическая ситуация, объективируемая структурно-содержательной моделью паремии, на уровне содержания выступает в виде обобщенного значения, которое, в свою очередь, «...возникает в результате сопоставления или чаще противопоставления значений компонентов пословицы...», что «...ведет к появлению дополнительной дистрибуции, составляющей ее основное значение» [38. С. 238]. Возможность образования авторской паремии на базе паремии-источника Л.И. Швыдка как раз и связывает с наличием дополнительной дистрибуции, при которой становится возможной замена слов-компонентов паремии-прототипа на новые слова-компоненты без нарушения исходных отношений между ними [38. С. 238]. В итоге установление принадлежности паремии-источника и авторской паремии к одной и той же высшей логико-семиотической инвариантной группе представляется необходимым условием обоснования узнаваемости новой единицы языка.

Говоря о теории структурной паремиологии Г.Л. Пермякова, следует отметить, что всего им было выделено четыре высших логико-семиотических инварианта, подразделенных на логико-семиотические конструктивные типы и подтипы, в составе последних, в свою очередь, выделяются «...отдельные логико-тематические группы, охватывающие изречения, сходные не только по своей структуре, но и близкие по характеру объектов» [44. С. 21]. Так как классификация паремий разных языков, разработанная

Г.Л. Пермяковым, является достаточно сложной для восприятия, а цель и задачи, поставленные в данной статье, не требуют детального обращения к ней, мы будем использовать теорию структурной паремиологии Г.Л. Пермякова в редуцированном виде: нами будет определяться отнесение авторских паремий и их прототипов к тем или иным высшим логико-семиотическим инвариантным группам и выделенным в их составе конкретным логико-тематическим группам. Вхождение авторской паремии и паремии-источника в одну и ту же логико-тематическую группу не является обязательным условием узнаваемости «системной основы» авторской паремии, тем не менее, сохранение тематического единства обуславливает более сильную связь варианта и инварианта, может способствовать усилению образного потенциала новой языковой единицы.

Таким образом, в ходе анализа отобранных 3 авторских паремий мы будем научно обосновывать узнаваемость в них их системных прототипов путем установления общности структурной модели (определяются структурные модели авторских паремий, являются классические паремии, построенные по такой же либо схожей модели), определения принадлежности паремии-источника и авторской паремии к одной из четырех высших логико-семиотических инвариантных групп.

Одной из особенностей анализа авторских паремий является приведение значений образующих их слов-компонентов, что может, на первый взгляд, показаться излишним. Тем не менее определение языковых значений слов-компонентов, а также формулирование суммы их значений (при наличии такой возможности) представляется необходимым и принципиально важным для определения типа рассматриваемой авторской паремии: сопоставление выражаемого авторской паремией суждения с приведенными значениями образующих ее слов-компонентов позволяет однозначно идентифицировать первично и вторично маркированные компоненты, тем самым сделать соответствующий вывод о принадлежности авторской паремии к одному из трех типов (поговорка, пословица, пословично-поговорочное выражение).

В нашем исследовании мы будем использовать в качестве основного толкового словаря Большой толковый словарь русского языка, так как он построен на корпусе текстов XIX–XXI вв. и «в нем собрано и объяснено более 150 000 слов русского языка его классического (XIX в.) и нового (XX–XXI вв.) периодов» [54. С. 3], что в полной мере отвечает требованиям проводимого анализа. При необходимости (в случаях отсутствия соответствующих значений слов-компонентов) мы также будем обращаться к данным четырехтомного Словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, Словаря русского языка, составленного вторым отделением Императорской академии наук, семнадцатитомного Словаря современного русского литературного языка и некоторых других.

В ходе работы с текстами общественно-политической сатирической печати нами были выявлены авторские паремии, образованные на базе суще-

ствующих в языке паремий посредством использования различных трансформационных механизмов (расширение компонентного состава исходной паремиологической структуры; замена ключевых слов-компонентов паремии, сопровождающаяся языковым обыгрыванием конкретных экстралингвистических фактов; замена ключевых слов-компонентов паремии-источника без языкового обыгрывания экстралингвистических фактов; использование генерализованной структурной модели ряда структурно и семантически схожих паремий; замена одного слова-компонента паремии-источника, сопровождающаяся утратой переносного смысла и актуализацией политически детерминированного смысла и пр.). В данной статье мы рассмотрим авторские паремии, образованные на базе генерализованных моделей функционирующих в языке паремий, имеющих схожие структуры и обобщенное смысловое наполнение.

Авторская паремия *Всякая скотина идет ко двору* была опубликована 4 декабря 1905 г. в рубрике «Пословицы» № 24 журнала «Зритель» [55. С. 6]. В целях обоснования политического прочтения содержания паремии ниже приводится краткая характеристика издания и ближайшего языкового окружения исследуемой авторской паремии.

Как отмечают исследователи, «первой ласточкой новой сатирической печати в России был еженедельный журнал “Зритель”, начавший выходить в Петербурге 5 июня 1905 г.» [26. С. 14]. Издателем и редактором журнала был художник-портретист Ю.К. Арцыбушев. В числе постоянных сотрудников редакции были поэты Н. Фалеев (Чуж-Чуженин), В. Зоргенфрей, Ф. Сологуб, А. Рославиев, В. Лихачев, Саша Черный, Я. Годин, В. Башкин, Л. Андрусон и некоторые другие [26. С. 14]. В соответствии с выданным разрешением «Зритель» должен был издаваться как иллюстративный юмористический журнал, содержащий литературный, художественный разделы, хронику и объявления. Однако редакция журнала (как и многих других сатирических журналов периода первой русской революции) поставила перед собой совсем другую цель: как высмеивание отдельных государственных деятелей, представителей политических партий, конкретных политических сил, так и «...уничтожающую критику всего механизма русской государственности, всей иерархии паразитизма и хищничества...» [26. С. 8]. Цензура не была помехой для размещения в нем подобных материалов. Редакция журнала «...избрала особую тактику: каждый номер от начала и до конца был проникнут антиправительственной тенденцией, трудноуловимой для формальных цензурных придинок, но совершенно явственной для читателя, способного с полуслова понимать и оценивать сказанное» [26. С. 14]. Журнал пользовался большой популярностью среди читателей, тиражи отдельных его выпусков доходили до 100 тысяч [56. С. 591].

Антиправительственная направленность содержания журнала приводила к тому, что его отдельные номера изымались из печати. Так, «№ 24 был конфискован за: 1) стих. “Экспромт”, 2) сказку о тульском Правше, 3) “Поучение детям”, 4) стих. “Митинг”,

5) “Письмо в редакцию”, 6) стих. “Так болтали в кофейнях Багдада”, 7) пословицу “Царский манифест для известных мест”, 8) стих. “Сомнение”, 9) подпись под рисунком на стр. 5 “Слухи”» [57. С. 32].

Ближайшим языковым окружением авторской паремии *Всякая скотина идет ко двору* являются авторские паремии *Снявши голову, не вешают; Те же петли, да не на те бы головы; Ешь щи с червями, а язык держи за зубами и Царский манифест – для известных мест*. Предшествует рубрике «Пословицы» «Сказка о тульских правшах и о золотой блохе», в которой в иносказательной форме говорится о забастовках рабочих и их борьбе за свои права: например, «– Не хотим, – говорят, – дымить больше восьми часов в сутки и не хотим, молвят, чтобы золотая блоха кровь нашу пила да пухла» [55. С. 6]. После пословиц в журнале размещен материал «Поучение детям», повествующий о двух мальчиках: Ванечке (возможно, имеется в виду санкт-петербургский градоначальник (с 12.02.1904 по 11.01.1905), а позднее командир 11-го армейского корпуса (с 01.06.1905 по 06.08.1911) Иван Александрович Фуллон) и Коленке (речь идет об императоре Николае II), первому из которых родители не позволили забрать с собой весь двор («уток, гусей, порослят, собак») при переезде с дачи в город. Второй же мальчик вместе со своим двором переезжает с дачи на дачу и в городе не показывается [55. С. 6]. Как видим, неизвестным автором (материал подписан псевдонимом Н.И. Мюръ) высмеивается поведение императора и его приближенного в период подготовки вооруженного восстания в декабре 1905 г.

Обращение к словарям пословиц и поговорок русского языка не позволило установить паремии-источник, на базе которой могла быть образована рассматриваемая единица языка [28, 29, 58–60 и др.].

В целях определения механизма образования анализируемой авторской паремии обратимся к ее структурной модели, которая может быть представлена в следующем виде: опр. мест. *всякий* в форме им. п. ед. ч. + сущ. в форме им. п. ед. ч. + глагол в форме 3-го л. ед. ч. н. в. + предлог *ко* + сущ. в форме дат. п. ед. ч.

В ходе работы с профильными словарями русского языка были выявлены следующие пословицы и поговорки, структурно схожие с анализируемой авторской паремией: *Всякая птица свое гнездо любит, Всякая работа мастера хвалит, Всякая сосна своему бору шумит, Всякий поп свою обедню служит, Всякий человек вперед смотрит, Каждая собака в своей шерсти ходит* и пр. [28, 29, 58–60 и др.].

Перечисленные выше функционирующие в языке пословицы и поговорки со схожей структурной организацией и образованная на их базе анализируемая авторская паремия в соответствии с разработанной Г.Л. Пярмяковым классификацией относятся к высшему логико-семиотическому инварианту II (2), в котором «...моделируются отношения между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств: если вещь P обладает каким-нибудь (положительным) свойством (x), а вещь Q не обладает этим свойством (\bar{x}), то вещь P лучше, чем Q» [44. С. 21]. В схематическом виде данный логико-семиотический инвариант может быть представлен в следующем ви-

де: $[(P \rightarrow x) \wedge (Q \rightarrow \bar{x})] \rightarrow (P > Q)$, где знаком \rightarrow обозначена импликация, знаком \wedge – конъюнкция, знаком $>$ – преференция [42. С. 21]. Паремии-источники и их трансформ (авторская паремия) входят в состав логико-тематической группы «Свое – Чужое» [44. С. 144–145].

В итоге можно предположить, что автором паремии *Всякая скотина идет ко двору* в качестве источника была использована не какая-то конкретная существующая в языке пословица, а генерализованная структурная модель, полученная путем обобщения целого ряда частично схожих (в структурном и смысловом отношении) паремий.

Для того чтобы сформулировать суждение, выражаемое рассматриваемой единицей языка, обратимся к анализу образующих ее слов-компонентов, а также событиям общественно-политической жизни Российской империи, которые могли обусловить ее появление.

Определительное местоимение *всякий* имеет значение ‘1. Каждый, любой’ [54. Т. 3. С. 311].

Существительное *скотина* определяется как ‘1. Собирает. Четвероногие сельскохозяйственные животные; скот’ [61. Т. 13. С. 1038].

Глагол *идти*, употребленный в форме 3-го л. н. в., имеет следующее толкование: ‘1. Двигаться, передвигаться, ступая ногами, шагая’ [54. Т. 7. С. 52].

Предлог *ко* ‘употребляется при обозначении места, лица, в сторону которого направлено действие, движение’ [54. Т. 7. С. 508].

Существительное *двор* имеет значение ‘2. Крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками при нем; отдельное крестьянское хозяйство’ [54. Т. 4. С. 556].

Таким образом, механическая сумма значений компонентов рассматриваемой авторской паремии может быть представлена в следующем виде: ‘любое четвероногое сельскохозяйственное животное передвигается, ступая ногами, в сторону крестьянского дома со всеми хозяйственными постройками при нем’.

В связи с тем, что сумма значений слов-компонентов рассматриваемой паремии позволяет сформулировать лишь суждение, выражаемое не собственно ею, а свободным предложением того же лексического состава, можем заключить, что имела место вторичная семантическая маркированность слов-компонентов (кроме компонента *всякий*, у которого сохранилась соотнесенность с соответствующим словом свободного употребления), явившаяся следствием смены их первоначальных областей референции.

Принимая во внимание тот факт, что в Российской империи XIX – нач. XX вв. сочетание *ко двору* могло употребляться в значении ‘домой’ [54. Т. 4. С. 556], анализируемая паремия при прямом «прочтении» составляющих ее слов-компонентов могла выражать следующее суждение: ‘каждое живое существо возвращается в свой дом’. В таком случае тип анализируемой паремии следовало бы определить как пословично-поговорочное выражение. Однако учитывая специфику источника, в котором была выявлена рассматриваемая авторская паремия, а также преследуемые ее автором цели, с большой вероятностью воз-

можно предположить, что она должна выражать иное, политически детерминированное суждение.

Основным значением слова *двор* является следующее: '1. В странах с монархическим правлением – монарх и приближенные к нему лица. Правительство, кабинет министров' [54. Т. 4. С. 557]. В ближайшем языковом окружении исследуемой авторской паремии (материал «Поучение детям») под словом *двор* также понимается совокупность приближенных к государю лиц: «Не хотелось маленькому Ванечке с дачи в город перебираться, но что делать! Хотел он хоть забрать с собой летних друзей своих: уток, гусей, порослят, собак, словом весь двор – не позволили ему папа с мамой, и горько он заплакал, и завидовал другому мальчику Коленьке, который даже на зиму в город не показывается, с дачи на дачу, знай, переезжает, да за собой всякую скотину, весь двор таскает» [55. С. 6].

Вся полнота власти в Российской империи до издания «Высочайшего манифеста об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. принадлежала императору. После же обнародования указанного документа полномочия Николая II были формально ограничены: «3. Установить, как неизблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий постановленных от нас властей» [62. С. 1].

20 февраля 1906 г. вышел в свет «Высочайший манифест о преобразовании Государственного совета», в соответствии с которым Государственный совет Российской империи был, по сути, преобразован в верхнюю палату парламента, в функции которой входило итоговое рассмотрение законопроектов, подготовленных в Государственной думе. Сокращение полномочий Думы было также отражено в Основных государственных законах Российской империи, принятых 23 апреля 1906 г.

В итоге уже в 1906 г. полнота самодержавной власти была вновь юридически закреплена за императором.

В 1905 г. в число ключевых фигур политической жизни страны входили следующие лица: председатель Совета министров С.Ю. Витте; министр внутренних дел П.Н. Дурново; санкт-петербургский генерал-губернатор (с 11 января по 25 октября 1905 г.), дворцовый комендант (с 26 октября 1905 г.) Д.Ф. Трепов; член Государственного совета генерал-адъютант В.Б. Фредерикс; вице-адмирал (1899 г.) московский генерал-губернатор (1905 г. – начало 1906 г.) Ф.В. Дубасов; градоначальник Санкт-Петербурга (1904–1905 гг.) И.А. Фуллон.

Представленный перечень имен известных государственных деятелей 1905 г., конечно же, не является исчерпывающим. Нами приведены фамилии лиц, работа которых постоянно находилась под пристальным вниманием общественности. В значительной мере все ключевые события общественно-политической жизни страны 1905 г. были так или иначе связаны с деятельностью указанных чиновников. Именно фамилии данных лиц наиболее часто встречались на стра-

ницах периодических изданий (в том числе и общественно-политической сатиры) рассматриваемого временного периода. Подобная ситуация неудивительна: председатель Совета министров, московский и санкт-петербургский генерал-губернаторы, градоначальники двух главных городов Российской империи, министр внутренних дел и прочие находились на передовой борьбы с революцией, их «руками» проводилась политика царской власти.

С.Ю. Витте, П.Н. Дурново, Д.Ф. Трепов и другие составляли ближний круг императора, «образовывали» так называемый двор – совокупность лиц, приближенных к монарху.

Результаты работы членов правительства, перечисленных выше государственных деятелей подвергались всеческой критике не только со стороны леворадикальных политических сил, что вполне объяснимо, но и со стороны монархистов. Если первые видели в чиновниках, состоящих при дворе, и правительстве в целом политических врагов, препятствующих смене власти в стране, то вторые в лучшем случае характеризовали их (членов правительства) как неумелых руководителей, в худшем – как сторонников конституционной монархии и даже республики.

Так, на первом общем собрании «Союза 17-го октября», состоявшемся 4 декабря 1905 г., член данной центристской организации Г. Шереметев обвинил правительство в массовых нарушениях законодательства в российской деревне: «...закон в глазах населения потерял всякую силу; целый ряд преступлений: поджогов, грабежей, насилий, революционной пропаганды с призывом к вооруженному восстанию, издевательство печати над религиозным и национальным чувством народа – остаются безнаказанными. <...> Главная вина в этом падает на правительство, действия представителей которого разрозненны, противоречивы, неопределенны, непонятны, слабы» [63. С. 32].

Один из сторонников монархической формы правления А.А. Киреев в своих дневниковых записях от 16 октября 1905 г. прямо обвинил членов правительства в антигосударственной деятельности: «И это (революция – уточнение наше. – А.З.) длится месяцами и уже принесло самые горькие плоды: школы, фабрики, отчасти города уже во власти революции. Нам (консерваторам) говорят, что же Вы ничего не делаете, не предпринимаете!? Да, ведь нам приходится бороться не с одной революцией, а с самим правительством, всечески ей помогающим!» [64. С. 102].

Непоследовательностью своих действий, отсутствием четкого плана мероприятий по борьбе с революцией правительство вызывало раздражение большинства политических сил общества, давало веский повод для критики в свой адрес. Так, например, в Словаре историческом и социально-политическом, изданном в 1906 г. в Санкт-Петербурге под редакцией В.В. Битнера, в статье, посвященной С.Ю. Витте, приводятся следующие данные: «... По возвращении из Портсмута Витте получил графское достоинство и вскоре после издания знаменитого Высочайшего манифеста от 17 октября 1905 г. <...> был назначен премьер-министром первого конституционного каби-

нета в России, оставившего после себя мрачную память – борьбой с освободительным движением, бесчисленными погромами, расстрелами и казнями русских граждан» [65. С. 291–292]. В этом же словаре отражена и позиция его составителя относительно роли Ф.В. Дубасова в социально-политической жизни страны: «...1905 г. Д. назначен московским генерал-губернатором, в какой должности он прославился в качестве усмирителя вооруженного восстания в декабре того же года» [Там же. С. 567–568].

Недовольство граждан действиями правительства многократно усиливалось по причине имевшей место совершенно открытой избирательности в применении уголовного законодательства к преступникам в зависимости от их политической принадлежности [66]. В частности, князь Н.С. Волконский, говоря о ситуации в стране, отмечал, что «многочисленные аресты людей, иногда ни в чем не виновных, вызывают недовольство населения» [63. С. 48]. Граф П.А. Гейден придерживался аналогичной точки зрения: «...опасность переживаемого положения обуславливается отсутствием искренности в направлении деятельности правительства; от его репрессивных действий страдают большей частью невинные, а виновных они почти не захватывают» [63. С. 48].

По всей видимости, именно достаточно негативное отношение граждан российского общества к государственным деятелям, входившим в ближний круг императора, членам правительства явилось причиной создания паремии-новации *Всякая скотина идет ко двору*.

Обратимся еще раз к компонентному составу анализируемой единицы языка.

Существительное *скотина* может употребляться не только в прямом, но и в переносном просторечном значении ‘то же, что скот (во 2-м знач.)’ [61. Т. 13. С. 1038]. Слово *скот* определяется как ‘2. Перен. Просторечн. О непорядочном, грубом и т.п. человеке’ [61. Т. 13. С. 1037].

Таким образом, политически детерминированное суждение, выражаемое паремией *Всякая скотина идет ко двору*, может быть сформулировано следующим образом: ‘лишь непорядочные люди входят в ближний круг императора и в правительство’. Тип анализируемой единицы языка – пословично-поговорочное выражение.

На корректность прочтения содержания слова *скотина* косвенно указывает и его употребление в «Поучении детям» [55. С. 6].

Двуплановость паремии, ее способность выражать два различных суждения в зависимости от характера соотношенности ее слов-компонентов с исходными либо новыми областями референции были умело использованы для образования новой языковой единицы. Единство двух совершенно различных в понятийном отношении суждений (‘любое четвероногое сельскохозяйственное животное передвигается, ступая ногами, в сторону крестьянского дома со всеми хозяйственными постройками при нем’ и ‘лишь непорядочные люди входят в ближний круг императора и в правительство’), выражаемых авторской паремией *Всякая скотина идет ко двору*, возможность их одно-

временного восприятия носителями языка обусловили значительную образность, колоритность ее содержания. Так, в частности, нейтральная понятийная семантика сущ. *скотина*, употребленного в основном значении, контрастирует со следующими микрокомпонентами этого же слова, но уже использованного во втором значении: семой отрицательной рациональной оценки, локализуемой в околоядерной части денотативного блока значения, актуализированной семой ‘неодобрение’, входящей в состав эмотивного блока значения, и актуализированной семой ‘отрицательная оценка’ оценочного компонента значения.

Использование узнаваемой на подсознательном уровне обобщенной структурно-смысловой модели, полученной путем генерализации (обобщения) структурно-смысловых моделей целого ряда общеизвестных пословиц и поговорок, позволило неизвестному автору создать новую единицу языка с прозрачной внутренней формой и максимально доступным для понимания и восприятия содержанием.

Авторская паремия *Кому жандарм, а тебе дяденька* была опубликована в № 3 журнала «Зарницы» в 1906 г. в рубрике «Новейшие пословицы» [67. С. 2]. Под перечнем опубликованных авторских пословиц размещен псевдоним автора – Инь.

Журнал «Зарницы» являлся литературно-художественным и сатирическим изданием. Так как он был учрежден уже после издания манифеста 17 октября, редакция не скрывала его истинных целей. Так, например, на последней странице № 3 журнала редакция указывала следующее: «Преследуя цель беспощадной политической и общественной сатиры и ставя на знамени своем борьбу с отжившим режимом, журнал в то же время будет отражать новейшие течения художественной жизни и будет служить строго выдержанным требованиям искусства» [67. С. 8]. Издателем журнала был Я.В. Йогихесс, редактором – И.Н. Кац. Над выпусками журнала трудились известные литераторы и художники, в числе которых были В.А. Анзимиров, А.В. Аров, князь В.В. Барятинский, В.А. Бонди, М.А. Демьянов, А.М. Любимов и др.

Журнал просуществовал недолго: всего в свет вышло 9 номеров в 1906 г., причем номера 6 и 7 были конфискованы полицией [57. С. 214]. Столь короткий период издания журнала, вероятно, обусловлен сильнейшей реакцией 1906 г.

Кроме исследуемой авторской паремии в рубрике «Новейшие пословицы» размещены еще 5 единиц: *Пеший рабочий – конному казаку не товарищ*; *Любишь печатать – люби и в кутузке сидеть*; *В чужой арсенал со своим пулеметом не суйся*; *Скажи, в кого ты стрелял, – и я тебе скажу, кто ты*; *Старого воробья на овсе не поймает*. Все данные авторские паремии выражают политически детерминированные суждения. Так, например, авторская паремия *Пеший рабочий – конному казаку не товарищ* выражает суждение ‘Представитель рабочего класса, являвшийся сторонником смены государственного строя, и казак как представитель военного сословия, стоящего на защите интересов самодержавия, не являются соратниками и единомышленниками’ [68. С. 102].

В ближайшее языковое окружение анализируемой единицы входят материалы «Телеграммы» и «Из частных разговоров». В «Телеграммах», например, неизвестный автор (отсутствует даже псевдоним) в сатирической форме изобличает царскую власть в казнях ни в чем невиновных граждан, иронизирует по поводу планируемого визита Д.Ф. Трепова в Тифлис: «ст. Расказниловка (случайная). Расстрелян мятежник, читавший газету. Недоразумение выяснилось лишь после того, как газета оказалась “Новым временем”». Тифлис. В ожидании приезда генерала Трепова город украшен красными флагами, грандиозно иллюминирован, жители выражают свой восторг ружейными салютами» [67. С. 2].

Как видим, общая тематическая направленность журнала исключает вариативность понимания факторов, обусловивших появление анализируемой авторской паремии *Кому жандарм, а тебе дяденька*: данная единица определенно выражает политически детерминированное суждение.

В ходе работы со словарями пословиц и поговорок русского языка лишь в одном издании нами была выявлена структурно идентичная пословица *Кому (для кого) война, а кому (для кого) мать родна*, выражающая следующее суждение: ‘Неодобр. Говорится тому или о том, кто даже в трудные для всех минуты жизни преследует свой интерес, ищет выгоду, пренебрегая чужими проблемами’ [60. С. 56–57]. Отсутствие данной единицы в словарях и сборниках эпохи [58, 69], а также в современных профильных словарях наводит на мысль о том, что она не являлась той паремией-источником, на базе которой была образована рассматриваемая авторская паремия, а скорее наоборот, как и авторская паремия, она была создана на основе ранее существовавшей в языке структурной модели.

Для определения паремии-источника обратимся к структурной модели исследуемой авторской паремии, которая может быть представлена в следующем виде: относительное мест. *кто* в форме дат. п. ед. ч. + сущ. в форме им. п. ед. ч. + союз *а* + личное мест. 2 л. ед. ч. *ты* в форме дат. п. + сущ. в форме им. п. Любая структурная модель выступает средством языковой объективации отношений между понятиями, явлениями, объектами, состояниями и прочим, номинируемыми словами-компонентами, а также выражаемыми служебными частями речи. Представленная выше модель служит для передачи следующего обобщенного смысла: для какого-либо человека что-либо, выражаемое словом-существительным, плохо, для другого – хорошо. В соответствии с классификацией Г.Л. Пермякова данный смысл может быть передан следующим утверждением: «качество одной вещи для двух других вещей, находящихся в определенной связи между собой (или – что то же самое: отношение двух других вещей к этой одной) представляется или оказывается неодинаковым: для первой из двух оно не таково, как для второй» [70. С. 187]. Структурная модель паремии *Кому (для кого) война, а кому (для кого) мать родна* служит средством передачи того же смысла.

Таким образом, авторская паремия *Кому жандарм, а тебе дяденька* входит в состав высшей логи-

ко-семиотической инвариантной группы II (1), в которой «... моделируются отношения между свойствами разных вещей в зависимости от отношения самих этих вещей: если какая-либо вещь (Q) зависит от другой вещи (P) и при этом вещь P обладает каким-нибудь свойством (x), то и зависимая вещь (Q) будет обладать тем же свойством» [44. С. 21]. Моделируемые данной высшей инвариантной группой отношения могут быть представлены в виде следующей схемы: $(P \rightarrow Q) \rightarrow [P(x) \rightarrow Q(x)]$. Рассматриваемая авторская паремия входит в состав логико-тематической группы «Хорошее – плохое» [42. С. 110; 70. С. 187].

В итоге паремия (либо паремии), послужившая основой для создания анализируемой авторской паремии, должна входить в состав указанной высшей логико-семиотической инвариантной группы и относиться к той же логико-тематической группе.

В сборнике русских пословиц А.И. Богданова, датируемом первой половиной XVIII в., были выявлены следующие имеющие схожую структуру паремии: *Кому зима, а нам лето; Кому убыль, а нам прибыль; Кому урон, а нам прибыль; Кому пост, а нам масленица; Кому ужин, а нам обед* [71. С. 87]. Также был выявлен ряд паремий, структурные модели которых служат для передачи инвертного смысла: для какого-либо человека что-либо, выражаемое словом-существительным, хорошо, для другого – плохо. В числе подобных паремий следующие: *Кому мать, а нам мачеха; Кому рай, а нам мука; Кому рыба, а нам репа; Кому сытно, а нам голодно; Кому зван, а нам болван* [71. С. 87]. Приведенные паремии входят в состав той же высшей логико-семиотической инвариантной группы и логико-тематической группы, отличается лишь подтип логико-семиотического конструктивного типа [44. С. 22].

В сборнике пословиц и поговорок В.И. Даля была выявлена лишь одна паремия, построенная на основе несколько иной структурной модели, но передающая такой же обобщенный смысл и, следовательно, входящая в состав высшей логико-семиотической инвариантной группы II (1): *Людям тын да помеха, а нам смех да потеха* [58. Т. 1. С. 157].

Таким образом, можем заключить, что анализируемая авторская паремия *Кому жандарм, а тебе дяденька* была образована на базе генерализованной структурно-смысловой модели, полученной путем обобщения целого ряда структурно и содержательно схожих пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений.

Для того чтобы сформулировать суждение, выражаемое авторской паремией, а также определить ее тип рассмотрим ее компонентный состав и обратимся к историческим фактам, которые обусловили ее появление.

Местоимение *кто*, использованное в форме дат. п. ед. ч., употреблено ‘4. С разделительным значением (обычно при сопоставлении двух или нескольких предложений)’ [54. Т. 8. С. 734].

Существительное *жандарм* имеет следующее значение: ‘лицо, состоящее в жандармском корпусе’ [72. С. 217]. В Словаре историческом и социально-политическом, изданном в 1906 г. под редакцией

В.В. Битнера, в словарной статье «Жандармы» представлена следующая информация: «появились в середине века в виде королевской гвардии, тяжело вооруженные рыцари. Теперь Ж. исполняют обязанности конной, тайной и железнодорожной полиции. Впервые в России Ж. появились в 1792 г. в составе гатчинских войск цес. Павла Петровича» [65. С. 593].

Противительный союз *a* употреблен в своем первом значении и используется «для соединения противоположаемых предложений или отдельных членов предложения; соответствует по значению словам: *но, зато, наоборот, напротив*» [73. Т. 1. С. 17].

Личное местоимение *ты* «2. Употребляется для обозначения человека вообще, какой-либо неопределенной группы лиц» [61. Т. 15. С. 1187].

Слово *дяденька* определяется как «ласкат. от с. дядя» [72. Т. 1. Вып. 3. С. 1237]. Слово *дядя* имеет следующее значение: «2. В вежливом обращении: всякий посторонний человек средних лет» [Там же. С. 1238].

Таким образом, сумма значений слов-компонентов анализируемой авторской поговорки может быть представлена в следующем виде: «если для одних людей это лицо, состоящее в жандармском корпусе, то для других – всякий посторонний человек средних лет».

Отношение граждан царской России начала XX в. к жандармам всецело определялось их политическими взглядами. Жандармы, исполняя обязанности полиции, наравне с казаками и армейскими частями служили опорой монархическому строю, обеспечивали силовую поддержку принимаемых правительством и императором решений.

В первой половине 1906 г. правительство усилило свою деятельность в борьбе с революцией. Опираясь на имеющиеся силовые структуры, в том числе и на жандармские корпуса, власть продолжила преследовать подозреваемых и зачастую ни в чем не виновных граждан. Так, председатель московского центрального комитета Союза 17 октября Д.Н. Шипов на первом Всероссийском съезде делегатов партии (8–12 февраля 1906 г.) отметил следующее: «Но когда, наконец, революционное движение было подавлено, правительство, однако, по-прежнему продолжало идти и до сих пор идет по пути крутых репрессий и продолжает насилие и произвол над обществом. Грубо нарушаются все права и свободы, возмущенные высочайшим манифестом 17-го октября!» [74. С. 109–110]. Другой делегат этого съезда, коллежский асессор, мировой судья, гласный Московской городской думы Л.Г. Урусов, говоря об отношении правительства к людям, отметил, что оно «...без суда и следствия высылает, арестует и гноит в тюрьме тысячи и тысячи людей и возмущает и душит всю страну своими насилиями и произволом, вызывая общее раздражение и негодование...» [Там же. С. 120].

В итоге к жандармам относились по-разному: если проправительственные ультраправые партии видели в них союзников, то все остальные политические силы страны (левые и центристы в их многочисленных вариациях) – противников, ту силу, которая мешала осуществить смену политического строя.

Учитывая изложенные выше факты социально-политической среды, принимая во внимание сумму

значений слов-компонентов авторской поговорки *Кому жандарм, а тебе дяденька*, выражаемое данной единицей языка суждение может быть представлено в следующем виде: «по отношению человека к жандармам можно судить о его политической принадлежности». Наличие в составе поговорки актуализированного слова (жандарм) позволяет определить ее тип как пословично-поговорочное выражение.

Авторская поговорка *Каков кабинет, таков и бюджет*, также как и рассмотренная выше авторская поговорка *Кому жандарм, а тебе дяденька*, была опубликована в журнале «Зарницы», но в другом номере [75. С. 7]. Ближайшим языковым окружением исследуемой языковой единицы являются авторские поговорки *Вот тебе, бабушка, и конституция!*; *Дума не митинг, соберется – не разгонись*; *Не красна Москва домами, а кровавыми следами*; *На войско надейся, а сам уезжай* [Там же]. Все указанные авторские поговорки подписаны псевдонимом Раругус.

Сразу же после материала «Новейшие пословицы» дана короткая заметка «Я знаю, как спасти Россию» следующего содержания: «Проезжающие по Каменноостровскому проспекту с удивлением оглядывают фасад дома графа Витте, на окнах которого наклеены билеты о сдаче его внаймы. Очевидно, для устранения финансового кризиса России бывший министр финансов решил на отчаянное средство» [Там же]. Некорректная бюджетная политика правительства в совокупности с масштабной коррупцией не раз становилась объектом критики авторов сатирических журналов. Приведенная выше заметка как раз и входит в число подобных материалов.

Анализируемая авторская поговорка образована на базе следующей структурной модели: относительное мест. *каков* + сущ. в форме им. п. ед. ч. + определительное мест. *таков* + частица *и* + сущ. в форме им. п. ед. ч. В ходе работы со словарями пословиц и поговорок русского языка было выявлено множество поговорок, образованных по такой же либо схожей структурной модели: *Каков поп, таков и приход*; *Каков батка, такова и матка*; *Каков брат, такова и сестра*; *Каков ветер, таков и воздух*; *Каков гнев, такова и милость*; *Каков дар, таков и поклон*; *Каков дом, таков и господин*; *Каков дед, такова и баба*; *Каков есть, такова и в люди весть*; *Каков изумен, такова и братия*; *Каков корм, такова и работа*; *Каков лен, такова и пряжа*; *Каков заем, таков и платеж*; *Каков мал, таков и велик*; *Каков мех, такова и шуба*; *Каков Савва, такова и Слава* [71. С. 85]. Обобщенный смысл приведенных выше поговорок может быть выражен следующим образом: качества объекта, называемого во второй части поговорки, определяются через качества объекта, называемого в первой части поговорки. Иначе говоря, «если две вещи находятся в определенной связи друг с другом, то между свойствами этих вещей наблюдается известное соответствие или несоответствие» [70. С. 142]. Следует отметить, что данный общий смысл (обобщенная типическая ситуация), выражаемый авторской поговоркой и всеми приведенными поговорками-прототипами, относящимися к одному конструктивному типу (в данном случае – конструктивному типу I) [Там же], при подразделении данного конструктивного

типа на подтипы подвергается трансформациям. Тем не менее в данном случае и рассматриваемая авторская паремия, и паремии-источники представляют собой образный вариант одной типической ситуации: «свойства (качества) вещей, находящихся в определенной связи между собой, соответствуют друг другу: какова по своим свойствам (качествам) одна вещь, такова же и другая» [70. С. 142].

Образный вариант сформулированной выше типической ситуации (обобщенного смыслового наполнения) позволяет однозначно отнести авторскую паремию и паремии-прототипы к высшей логико-семиотической инвариантной группе II (1), характер моделируемых отношений и структурная схема которой были приведены ранее.

Таким образом, как и в случаях с авторскими паремиями *Всякая скотина идет ко двору* и *Кому жандарм, а тебе дяденька*, имела место генерализация структурно-смысловых моделей целого ряда паремий-источников, результатом которой явилась обобщенная структурно-смысловая модель, используемая для выражения той же самой типической ситуации и положенная в основу образования новой социально и политически детерминированной авторской паремии.

Объединения авторской паремии и паремий-источников в рамках единой логико-тематической группы в данном случае не наблюдается: авторская паремия *Каков кабинет, таков и бюджет* входит в состав логико-тематической группы «Производитель – производимое», паремии-источники *Каков батка, такова и матка; Каков брат, такова и сестра; Каков дед, такова и баба* относятся к логико-тематической группе «Мужчина – женщина»; *Каков поп, таков и приход; Каков игумен, такова и братия* – к логико-тематической группе «Возглавляющее – возглавляемое»; *Каков лен, такова и пряжа; Каков мех, такова и шуба; Каков ветр, таков и воздух* – к логико-тематической группе «Исходное – производное»; *Каков мал, таков и велик* – к логико-тематической группе «Старое – молодое» и т.д.

Рассмотрим компонентный состав авторской паремии, а также проанализируем факторы внешней среды, которые могли обусловить появление данной языковой единицы.

Местоимение *каков* '3. Обозначает качество предмета, вводя придаточные предложения определительные и дополнительные' [61. Т. 5. С. 692].

Слово *кабинет* толкуется как '4. В некоторых странах – состав министров, входящих в правительство; правительство' [Там же. С. 625].

Местоимение *таков* 'употребляется в функции соотносительного слова в главном предложении с уточнением его в придаточном предложении' [Там же. Т. 15. С. 55].

Частица *и* '2. Соответствует: также' [Там же. Т. 5. С. 9].

Существительное *бюджет* имеет следующее значение: '1. Смета, расчет доходов и расходов государства, предприятия, учреждения на определенный период' [Там же. Т. 1. С. 732].

Сумма значений слов-компонентов анализируемой авторской паремии может быть представлена в сле-

дующем виде: 'каков состав министров, входящих в правительство, такова также смета доходов и расходов государства'. Можем предположить, что суждение, выражаемое паремией *Каков кабинет, таков и бюджет*, в значительной степени основывается на языковых значениях образующих ее слов. Следовательно, тип авторской паремии – либо поговорка, либо пословично-поговорочное выражение.

1906 г. остался в памяти современников не только как период напряженной общественно-политической борьбы, реакции царского правительства, но и как время тяжелых экономических потрясений. Так, И.В. Шауров, вспоминая 1906 – начало 1907 г., отмечал следующее: «Рабочие там (на небольших предприятиях – уточнение наше. – А.З.) получали маленькую зарплату, многие из них жили в общежитиях, в весьма тяжелых условиях, так что здесь, естественно, были веские основания для недовольства» [76. С. 85].

Крестьяне в 1906 г. оказались в еще более плохом положении, чем рабочие: «неурожаи и голод в 1906 г., поразившие многие районы страны, толкали крестьян на новые выступления» [27. С. 429]. В газетах того времени периодически размещались статьи о неурожаях, голоде и болезнях в различных регионах страны. Вопросы помощи голодающим неоднократно обсуждались депутатами I Государственной думы, благодаря усилиям которых был получен кредит в размере 15 миллионов рублей на решение данной проблемы [77. С. 249].

В итоге непродуманная финансовая политика кабинета министров обусловила еще большее обнищание населения, в значительной степени крестьян и рабочих, создала все условия для активного вовлечения данных слоев населения в активную политическую борьбу против правительства.

На основе учета факторов внешней среды, а также значений слов-компонентов авторской паремии *Каков кабинет, таков и бюджет* выражаемое ею суждение может быть представлено в следующем виде: 'каковы министры, такова и смета доходов и расходов государства'. Тип паремии – поговорка.

Таким образом, в рамках настоящей статьи был проведен лингво-семиотический и культурно-исторический анализ трех авторских паремий русского языка периода 1905–1907 гг., образованных на базе генерализованных структурных моделей паремий-источников. Детальное изучение накопленной теоретико-практической базы в области научных исследований авторского паремиологического фонда русского языка позволило сформулировать дефиницию термина «авторская паремия», обосновать отнесение авторских паремий к единицам языка. Новизна материала исследования, привлеченных источников (журналов общественно-политической сатиры начала XX в.), равно как и отсутствие исчерпывающих научных изысканий в области авторской паремиологии периода первой русской революции, обусловили несомненную научную новизну данной работы.

В ходе проведенного анализа было установлено, что рассмотренные авторские паремии и паремии-прототипы, генерализованные модели которых были использованы для создания новых языковых единиц,

входят в составы одних и тех же высших логико-семиотических инвариантных групп, что является одним из научных обоснований «узнаваемости» исходных структурно-смысловых основ паремий (другим таким основанием выступает сама обобщенная структурная модель). Так, было установлено, что авторские паремии *Кому жандарм, а тебе дяденька* и *Каков кабинет, таков и бюджет* вместе со своими паремиями-источниками относятся к высшей логико-семиотической инвариантной группе II (1), моделирующей отношения между свойствами разных вещей в зависимости от отношения самих этих вещей. Авторская паремия *Всякая скотина идет ко двору* и ее паремии-прототипы представляют собой образные варианты типических ситуаций, образующих высшую логико-семиотическую инвариантную группу II (2), в которой моделируются отношения между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств.

Наличие отнесенности паремий-прототипов и образованных на их основе авторских паремий к одним и тем же логико-тематическим группам носит, как показал анализ, необязательный характер. Так, авторская паремия *Всякая скотина идет ко двору* и ее паремии-прототипы входят в состав логико-тематической группы «Свое – Чужое»; авторская паремия *Кому жандарм, а тебе дяденька* и ее паремии-прототипы – в состав логико-тематической группы «Хорошее – плохое»; авторская паремия *Каков кабинет, таков и бюджет* – в состав логико-тематической группы «Производитель – производимое», а паремии, на базе генерализованной модели которых она была образована, – в составы других логико-тематических групп. Различие в логико-тематической отнесенности варианта и инварианта, возникшее в результате процесса образования новой языковой единицы, представляется явлением вполне закономерным на том основании, что новый компонентный состав авторской паремии призван создать и создает новый детерминированный конкретными экстралингвистическими факторами план содержания.

Как справедливо отмечают современные исследователи, «паремии-трансформы всегда служат сред-

ством привлечения внимания читательской аудитории» [18. С. 5]. Особенно эффективным представляется их использование для привлечения внимания к тем или иным событиям общественно-политической жизни страны. Период же первой русской революции был перенасыщен различного рода резонансными событиями. Учитывая историческую дистанционность данных событий и их ведущую роль в мотивировке выражаемых авторскими паремиями суждений, принципиально важным оказывается детальный анализ исторических фактов, реалий и т.п., которые привели к образованию новых единиц языка. При этом отсутствие непосредственного языкового контекстного окружения не играет существенной роли: на первый план выходит широкий культурно-исторический контекст и языковое «окружение». Формально отсутствующие компоненты содержания (вследствие отсутствия контекстного окружения) могут быть легко и однозначно восстановлены носителем языка, в том числе и исходя из широкого культурно-исторического контекста. Проведенный анализ позволил сформулировать выражаемые тремя рассмотренными авторскими паремиями суждения. Так, авторская паремия *Всякая скотина идет ко двору* выражает суждение ‘лишь непорядочные люди входят в ближний круг императора и в правительство’; авторская паремия *Кому жандарм, а тебе дяденька* – ‘по отношению человека к жандармам можно судить о его политической принадлежности’; авторская паремия *Каков кабинет, таков и бюджет* – ‘каковы министры, такова и смета доходов и расходов государства’.

Определение значений слов-компонентов каждой из рассмотренных авторских паремий позволило на научных основаниях однозначно идентифицировать их типы: первые две единицы представляют собой пословично-поговорочные выражения, третья – поговорку.

В качестве ближайших перспектив исследования можно отметить следующие: 1) исследование авторских паремий периода первой русской революции, образованных с использованием иных трансформационных механизмов; 2) рассмотрение проблемы классификации выявленных авторских паремий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кащуба Л.Б. Детерминация паремии как единицы языка коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 53–57.
2. Кащуба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2013. Т. 10, № 1. С. 65–67.
3. Никтошенко Е.Ю. Структурное многообразие паремий и их лингвистический статус // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 1. С. 22–26. URL: <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2013-01/004.pdf>
4. Романюк Л.В. Проблемы исследования фразеологии и паремий в современной лингвистике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 9 (84). С. 26–29.
5. Макаров В.И. Паремия – фразеологизм – слово: динамика употребления в юрислингвистическом аспекте // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 221–224.
6. Закиров Р.Р. Особенности перевода арабских паремий на русский язык // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 49–52.
7. Захарова Т.В. Семантика угощения в русских и французских паремиях о гостеприимстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2010. № 1. С. 75–78.
8. Константинова А.А. Современный американский политический дискурс: паремии в риторике Барака Обамы // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 7–13.
9. Калмыкова Е.Л. Понятийные признаки концепта «Война» и их вербализация в паремиях (на материале лексикографических источников) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2011. № 22. С. 100–102.
10. Савченко В.А. Концепт «Борода» в русских и немецких паремиях // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 44–47.
11. Просвирнина И.С., Шао Жуй. Концепт «Скромность» в русских и китайских паремиях // Филология и культура. 2013. № 4 (34). С. 97–104.

12. Пономарева Е.Ю. Структура и особенности взаимодействия концептов оппозиции «Мир ссора» (на материале паремий английского языка) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2011. № 1. С. 132–138.
13. Альварес Солер А.А. Репрезентация гетерогенного концепта «Женщина» в испанских паремиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 9 (642). С. 56–63.
14. Вальтер Х. Трансформы русских пословиц как объект преподавания в иностранной аудитории // Материалы XXX Межвузовской конференции преподавателей и аспирантов. 11–17 марта 2001 г. Вып. 16. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. Ч. 2. СПб., 2001. С. 3–10.
15. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб. : Издательский дом «Нева», 2005. 576 с.
16. Вальтер Х., Мокиенко В. Паремииологические трансформы в речи и жаргоне // Функционирование стандартных и субстандартных языковых единиц : сб. науч. тр., посвященных памяти проф. Б.Б. Максимова. Магнитогорск : Магнитогорский гос. ун-т, 2001. С. 34–53.
17. Константинова А.А. Пословицы и поговорки в современной англо-американской прессе: авторское использование традиционных паремий // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 22–25.
18. Антонова О.Н. Изменение компонентного состава как вид трансформации паремий (на материале англоязычных массмедиа) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 11. С. 3–5.
19. Бутко Ю.В. Ассоциативный контекст и его реализация в новых паремиях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 6. С. 142–153.
20. Пименова М.В. Фольклорные картины мира русского и татарского народов // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 95–98.
21. Аносов Е.А. Гендерные стереотипы в паремиях русского языка в свете методологических подходов к исследованию феномена гендерной стереотипизации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2012. № 25. С. 93–96.
22. Руженцева Е.Н. Жизнь и смерть в языковой картине мира смоленского крестьянина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 206–210.
23. Кацуба Л.Б. Особенность структуры обобщенного значения личных форм глагола в паремиях (опыт семантико-грамматического исследования языкового сознания русского народа) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2007. № 1. С. 52–57.
24. Мухарлямова Л.Р. Функционально-семантическая категория темпоральности в разноструктурных языках (на материале паремий русского, татарского и английского языков) // Вестник Чувашского университета. 2009. № 1. С. 253–257.
25. Джелалова Л.А. Принцип объединения паремий (пословиц и поговорок) в формообразующие классы по методу Г.Л. Пермякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 2 (26). С. 155–168.
26. Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). Л. : Сов. писатель, 1969. 720 с.
27. Гуковский А.И. Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. (Спецкурс). Вологда : ВГПИ им. В.М. Молотова, 1957. 528 с.
28. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Русский язык ; Медиа, 2005. 537 с.
29. Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.П. Костомарова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1988. 272 с.
30. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. 3-е изд. М. : Изд-во URSS, 2013. 216 с.
31. Тарланов З.К. Синтаксис русских пословиц. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1970. 448 с.
32. Дидковская В.Г., Петрова Л.А. Пословицы и поговорки как объект «наивной лингвистики» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 68–70.
33. Загребельный А.В. Революция 1905–1907 гг. в зеркале авторской паремииологии русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 221–230.
34. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 2000. 544 с.
35. Батулина А.В. Пословично-поговорочные выражения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2003. 211 с.
36. Сечко Н.С., Кирюшкина А.А. Трансформированные паремии и их место в паремииологическом фонде языка // Молодежная наука в XXI веке: традиции, инновации, векторы развития. Уфа : изд-во ООО «Азтерна», 2017. С. 64.
37. Никитина Т.Г. Новый «статус» русских антипословиц // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 87–89.
38. Швыдка Л.И. Лингвистический статус традиционных паремий и антипословиц (на материале русских и английских фразеологических источников) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 236–239.
39. Бегун В.В. Рекламный слоган как трансформация культурных стереотипов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С. 31–37.
40. Зайкина З.М. Понятийная и структурно-типологическая специфика паремииологических единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1 (79). Ч. 1. С. 108–112.
41. Жигарина Е.Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
42. Торунь Е.Д. Об образовании фразематических единиц русского языка путем контаминации // Sliavia Orientalis. 2012. Т. 61, № 1. С. 81–88.
43. Буренкова С.В. Комизм псевдопословиц как способ переоценки витальных ценностей // Фундаментальная наука вузам. 2008. № 4. С. 80–86.
44. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1970. 240 с.
45. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремииологии / сост., вступ. ст. Г.Л. Капчица. М. : Наука, 1988. 235 с.
46. Загребельный А.В. Авторские паремии в русском языке начала XX века // Вопросы филологии. 2015. № 3. С. 39–47.
47. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
48. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
49. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica. Филологические исследования. М. : Наука, 1990. С. 50–71.
50. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: к проблеме «языковой картины мира» // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
51. Гнедаш С.И. Провербиальные единицы и возможности их трансформации в современном немецком языке // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 155–159.
52. Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания : история и современность. Киев : ИПЦ «Киев. ун-т», 2002. 294 с.
53. Федорова Н.Н. Современные трансформации русских пословиц : дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2006. 234 с.
54. Большой академический словарь русского языка. М.; СПб. : Наука, 2004–.
55. Зритель. 1905. № 24. 12 с.
56. Сатирические журналы 1904–1906 г. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. т. Па: Пруссия – Фома. М., 1907. С. 591–593.
57. Русская сатира первой революции 1905–1906 / сост. В. Боцяновский, Э. Голлербах. Л. : Гос. изд-во, 1925. 221 с.
58. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1–2. 2-е изд., без перемен. СПб. ; М. : Тип. т-ва М.О. Вольф, 1879.

59. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4 000 ед. М. : Изд-во «Русские словари»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. 624 с.
60. Словарь русских пословиц: ок. 1 000 ед. / В.М. Мокиенко, Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнулдинов и др.; под ред. В.М. Мокиенко. М. : Астрель ; АСТ, 2007. 381 с.
61. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.
62. Ведомости. 18.10.1905. № 221. С. 1.
63. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 408 с.
64. Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 / сост. К.А. Соловьев. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 472 с.
65. Словарь исторический и социально-политический / под ред. В.В. Битнера. СПб. : Издание «Вестник Знания» (В.В. Битнера), 1906 г. 1247 с.
66. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) : сб. док. Сер. «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2001.
67. Зарницы. 1906. № 3.
68. Загребельный А.В. Паремия «Пеший рабочий – конному казаку не товарищ» в русском языке начала XX века // И.А. Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика : Междунар. конф. VI Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 18–21 окт. 2017 г.) : тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галлиулина, Е.А. Горобец, Д.А. Мартынова, Г.А. Николаева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. Т. 1. С. 100–103.
69. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / изд. подгот. М.Я. Мельц [и др. ; вступ. ст. Б.Н. Путилова]. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. Ленингр. отд-е, 1961. 289 с.
70. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 671 с.
71. Сборник пословиц А.И. Богданова // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / изд. подгот. М.Я. Мельц [и др. ; вступ. ст. Б.Н. Путилова]. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. Ленингр. отд-е, 1961. С. 65–119.
72. Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук / [ред. акад. Я.К. Грот]. Т. 1–9. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1891–1930.
73. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. доп. М., 1981–1984.
74. № 28. Первый Всероссийский съезд делегатов «Союза 17 октября». 8–12 февраля 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 107–162.
75. Зарницы. 1906. № 5.
76. Шауров И.В. Воспоминания участника первой русской революции. Изд. 2-е. М. : Мысль, 1974. 264 с.
77. Речи, произнесенные 5-го ноября 1906 г. на общем собрании членов С.-Петербургского отдела «Союза 17-го октября» // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 239–256.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 октября 2018 г.

Authorial Proverbs, Sayings and Proverbial Expressions of the Russian Language of 1905–07 Formed on the Basis of Generalized Structural Models of Source Paroemias

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 27–43.

DOI: 10.17223/15617793/443/4

Artur V. Zagrebel'nyi, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russian Federation). E-mail: pechorin2106@mail.ru

Keywords: authorial paroemiology, generalized structural model of source paroemias, authorial paroemias analysis, wide extra-linguistic context, language of political sphere; proverb; saying; proverbial expression.

The aim of the present article consists in the linguistic and semiotic and cultural-historical analysis of author's proverbs, sayings and proverbial expressions of the Russian language of the period of 1905–07 that were formed on the basis of generalized structural models of paroemias functioning in language on the example of the following revealed language units: *Any cattle goes to the yard; For some people he is a gendarme, for others he is simply a good man; The characteristics of the budget done always depend on ministers who do it*. The revealed units are analyzed according to the following scheme: (1) on the basis of the dictionaries of Russian proverbs and sayings, the paroemia that is the source of transformation is determined; (2) the judgment the paroemia expresses is given; (3) on the basis of a comparison of the component structure of a paroemia source and the judgment it expresses, its type is determined (a proverb, a saying, proverbial expression); (4) block diagrams of a paroemia source and the author's paroemia formed on its basis are provided; (5) the author's paroemia and its system prototype are classified as belonging to a specific higher logical and semiotic invariant objectifying the typical situation underlying the initial paroemia and its transformation; (6) logical and thematic groups are defined whose composition includes the source paroemia and the author's paroemia; (7) the meanings of the component words of the analyzed author's paroemia and (if possible) the sum of these meanings are given; (8) the extra-linguistic context that led to the emergence of the new paroemia is analyzed; (9) a brief, informative description of other materials published in the same journal issues as the author's paroemias under study is given (this is necessary to confirm the correctness of the “reading” of the content of the author's paroemias), (10) the author's judgment(s) expressed in the paroemia is (are) formulated, (11) the type of the author's paroemia is determined. The research was done with the usage of the method of structural (linguistic and semiotics) analysis of paroemias developed by G.L. Permyakov, descriptive and comparative methods, which included methods of component analysis, dictionary definition analysis and wide extra-linguistic context analysis. Due to the lack of a uniform approach to the definition of the paroemia and the author's paroemia in linguistics, the author of the article briefly explains his positions on these issues. The author also indicates the specificity of author's paroemias formed on the basis of generalized structural models of source paroemias. During the analysis, it was established that the considered author's paroemias and paroemia prototypes whose generalized models were used for creation of new language units are parts of the same highest logic and semiotic invariant groups, which is one of scientific justifications of the “recognition” of initial structural and semantic bases of paroemias. The analysis has shown that the attribution of the paroemia prototypes and the author's paroemias formed on their basis to the same logical-thematic groups is optional. The article presents the judgments expressed by the author's paroemias, their types are determined. The final part of the article outlines the prospects for further research on the author's paroemias of the Russian language of 1905–07.

REFERENCES

1. Katsyuba, L.B. (2013) Determinatsiya paremii kak edinitsy yazyka kommunikatsii [Determining a paroemia as a unit of the language of communication]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 1 (292). pp. 53–57.
2. Katsyuba, L.B. (2013) Definition of proverbs (linguistic aspect). *Vestnik YuUrGU. Ser. Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series “Linguistics”*. 10 (1). pp. 65–67. (In Russian).
3. Niktovenko, E.Yu. (2013) Structural diversity of proverbs and their linguistic status. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. [Online] Available from: <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2013-01/004.pdf>. (In Russian).
4. Romanyuk, L.V. (2013) Issues of research of phraseology and paroemias in modern linguistics. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9 (84). pp. 26–29. (In Russian).
5. Makarov, V.I. (2014) Proverb-idiom-word: Dynamics of use in terms of forensic linguistics. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 77. pp. 221–224. (In Russian).
6. Zakirov, R.R. (2013) Peculiarities of translation of Arab PAROEMIAS into Russian. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 1 (31). pp. 49–52. (In Russian).
7. Zakhharova, T.V. (2010) Semantics of ritual meal in Russian and French paroemias of hospitality. *Vestnik YuUrGU. Ser. Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series “Linguistics”*. 1. pp. 75–78. (In Russian).
8. Konstantinova, A.A. (2010) Contemporary American political discourse: paroemias in Barack Obama's rhetoric. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 331. pp. 7–13. (In Russian).
9. Kalmykova, E.L. (2011) Conceptual characteristics of the concept “war” and their verbalization in proverbs (in lexicographic sources). *Vestnik YuUrGU. Ser. Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series “Linguistics”*. 22. pp. 100–102. (In Russian).
10. Savchenko, V.A. (2008) Concept “beard” in Russian and German paroemias. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 3. pp. 44–47. (In Russian).
11. Prosvirina, I.S. & Shao Zhuy. (2013) The concept of “modesty” in Russian and Chinese proverbs. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 4 (34). pp. 97–104. (In Russian).
12. Ponomareva, E.Yu. (2011) Struktura i osobennosti vzaimodeystviya kontseptov oppozitsii “Mir ssora” (na materiale paremiy angliyskogo yazyka) [The structure and features of the interaction of opposition concepts “World of Quarrel” (on the material of English paroemias)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya – Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 1. pp. 132–138.
13. Al'vares Soler, A.A. (2012) Representation of the heterogeneous concept “woman” in Spanish proverbs. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 9 (642). pp. 56–63. (In Russian).
14. Walter, H. (2001) [Transforms of Russian proverbs as an object of teaching in a foreign audience]. *Russkiy yazyk kak inostrannyi i metodika ego prepodavaniya* [Russian as a foreign language and its teaching methods]. Proceedings of the 30th Inter-University Conference of Teachers and Graduate Students. 11–17 March 2001. Is. 16. Pt. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 3–10. (In Russian).
15. Walter, H. & Mokienko, V. (2005) *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Antiproverbs of the Russian people]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom “Neva”.
16. Walter, H. & Mokienko, V. (2001) Paremiologicheskie transformy v rechi i zhargone [Paroemiological transforms in speech and jargon]. In: *Funkcionirovanie standartnykh i substandartnykh yazykovykh edinits. Sb. nauchn. tr., posvyashchennykh pamyati prof. B. B. Maksimova* [Functioning of standard and substandard language units. Collection of articles dedicated to the memory of Prof. B.B. Maximov]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University.
17. Konstantinova, A.A. (2009) Proverbs and Sayings in Modern Anglo-American Press: Authorial Use of Traditional Paroemias. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 22–25. (In Russian).
18. Antonova, O.N. (2011) Changes in component composition as a way of paroemias transformations in the English language massmedia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 11. pp. 3–5. (In Russian).
19. But'ko, Yu.V. (2008) Associative context and its implementation in new paroemias. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 6. pp. 142–153. (In Russian).
20. Pimenova, M.V. (2012) The Russian and Tatar Folk Pictures of the World. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 2 (28). pp. 95–98. (In Russian).
21. Anosov, E.A. (2012) Gender stereotypes in Russian idioms in terms of methodological approaches to the phenomenon of gender stereotyping research. *Vestnik YuUrGU. Ser. Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series “Linguistics”*. 25. pp. 93–96. (In Russian).
22. Ruzhentseva, E.N. (2012) Life and death in the linguistic world-image of a Smolensk peasant. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie – Science Journal of VolSU. Linguistics*. 1 (15). pp. 206–210. (In Russian).
23. Katsyuba, L.B. (2007) Osobennost' struktury obobshchennogo znacheniya lichnykh form glagola v paremiyakh (opyt semantiko-grammaticheskogo issledovaniya yazykovogo soznaniya russkogo naroda) [The peculiarity of the structure of the generalized meaning of the personal forms of the verb in paroemias (the experience of semantic-grammatical research of the linguistic consciousness of the Russian people)]. *Vestnik YuUrGU. Ser. Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series “Linguistics”*. 1. pp. 52–57.
24. Mukharlyamova, L.R. (2009) Functional and semantic category of time in non-related languages (based on the Russian, Tatar and English proverbs). *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. 1. pp. 253–257. (In Russian).
25. Dzhelalova, L.A. (2013) Principle of joining paroemias (proverbs and sayings) into forming classes by the method of G.L. Permyakov. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki – University Proceedings. Volga Region. Humanities*. 2 (26). pp. 155–168. (In Russian).
26. Blank, N.B., Zakharenko, K.G. & Shneyderman, E. (eds) (1969) *Stikhotvornaya satira pervoy russkoy revolyutsii (1905–1907)* [Poetic satire of the first Russian revolution (1905–1907)]. Leningrad: izd-vo “Sovetskiy pisatel”.
27. Gukovskiy, A.I. (1957) *Pervaya russkaya burzhuazno-demokraticheskaya revolyutsiya 1905–1907 gg. (Spetskurs)* [The first Russian bourgeois-democratic revolution of 1905–1907 (Special Course)]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute.
28. Zhukov, V.P. (2005) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow: Russkiy yazyk; Media.
29. Felitsyna, V.P. & Prokhorov, Yu.E. (1988) *Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya: lingvostranovedcheskiy slovar'* [Russian proverbs, sayings and winged expressions: A linguistic dictionary]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.
30. Amosova, N.N. (2013) *Osnovy angliyskoy frazeologii* [Basics of English phraseology]. 3rd ed. Moscow: Izd-vo URSS.
31. Tarlanov, Z.K. (1970) *Sintaksis russkikh poslovits* [Syntax of Russian proverbs]. Leningrad: Leningrad State University.
32. Didkovskaya, V.G. & Petrova, L.A. (2014) Proverbs and sayings as an object of “naive linguistics”. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 77. pp. 68–70. (In Russian).
33. Zagrebel'nyy, A.V. (2017) The revolution of 1905–1907 in the mirror of an author's paroemiology of the Russian language. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 3. pp. 221–230. (In Russian).
34. Zhukov, V.P. (2000) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. 7th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
35. Batulina, A.V. (2003) *Poslovichno-pogovorochnye vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke* [Proverbial expressions in modern Russian]. Philology Cand. Diss. Velikiy Novgorod.

36. Sechko, N.S. & Kiryushkina, A.A. (2017) [Transformed paroemias and their place in the paroemiological foundation of the language]. *Molodezhnaya nauka v XXI veke: traditsii, innovatsii, vektory razvitiya* [Youth Science in the 21st century: traditions, innovations, vectors of development]. Proceedings of the Conference. Ufa: izd-vo OOO "Aeterna". pp. 64. (In Russian).
37. Nikitina, T.G. (2014) The new "status" of the Russian antiproverbs. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 77. pp. 87–89. (In Russian).
38. Shvydkaya, L.I. (2011) Linguistic status of proverbs and anti-proverbs (based on Russian and English phraseographic sources). *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 3. pp. 236–239. (In Russian).
39. Begun, V.V. (2010) Advertising slogans as cultural stereotypes transformation. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1 (7). pp. 31–37. (In Russian).
40. Zaykina, Z.M. (2018) Conceptual and structural-typological peculiarities of paroemiological units. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 1 (79):1. pp. 108–112. (In Russian).
41. Zhigarina, E.E. (2006) *Sovremennoe bytovanie poslovits: variativnost' i polifunktional'nost' tekstov* [The modern existence of proverbs: text variability and polyfunctionality]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
42. Torun', E.D. (2012) Conceptual and structural-typological peculiarities of paroemiological units. *Sliavia Orentalis*. 61 (1). pp. 81–88. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-1-1.28
43. Burenkova, S.V. (2008) Komizm psevdoposlovits kak sposob pereotsenki vital'nykh tsennostey [The comic in pseudoproverbs as a way to reassess vital values]. *Fundamental'naya nauka vuzam*. 4. pp. 80–86.
44. Permyakov, G.L. (1970) *Ot pogovorki do skazki (zametki po obshchey teorii klishe)* [From sayings to fairy tales (notes on the general theory of clichés)]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka".
45. Permyakov, G.L. (1988) *Osnovy strukturnoy paremiologii* [Fundamentals of structural paroemiology]. Moscow: Nauka.
46. Zagrebel'nyy, A.V. (2015) Author's Paroimia in the Russian Language of the Early XXth Century. *Voprosy filologii*. 3. pp. 39–47. (In Russian).
47. Yartseva, V.N. (ed.) (1998) *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
48. Sannikov, V.Z. (2002) *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [The Russian language in the mirror of the language game]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
49. Apresyan, Yu.D. (1990) Yazykovye anomalii: tipy i funktsii [Language anomalies: types and functions]. In: Likhachev, D.S. & Stepanov, G.N. (eds) *Res Philologica. Filologicheskie issledovaniya* [Res Philologica. Philological studies]. Moscow: Nauka, 1990. pp. 50–71.
50. Arutyunova, N.D. (1987) Anomalii i yazyk: k probleme "yazykovoy kartiny mira" [Anomalies and language: to the problem of the "linguistic picture of the world"]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 3–19.
51. Gnedash, S.I. (2010) Proverbial units and the ways of their transformation in the modern German language. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. 2. pp. 155–159. (In Russian).
52. Dyadechko, L.P. (2002) *Krylatye slova kak ob'ekt lingvisticheskogo opisaniya: istoriya i sovremennost'* [Winged words as an object of linguistic description: history and modernity]. Kiev: IPTs "Kiev. un-t".
53. Fedorova, N.N. (2006) *Sovremennye transformatsii russkikh poslovits* [Modern transformations of Russian proverbs]. Philology Cand. Diss. Pskov.
54. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2004) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Nauka.
55. *Zritel'*. (1905) 24.
56. Brockhaus & Efron. (1907) Satiricheskie zhurnaly 1904–1906 g. [Satirical journals of 1904–1906]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Suppl. Vol. IIa. Moscow: Brokgauz i Efron., 1907. pp. 591–593.
57. Botsyanovskiy, V. & Gollerbach, E. (1925) *Russkaya satira pervoy revolyutsii 1905–1906* [Russian satire of the first revolution of 1905–1906]. Leningrad: Gos. izd-vo.
58. Dal, V.I. (1879) *Posloviitsy russkogo naroda. Sbornik poslovits, pogovorok, recheniy, prisloviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy i pr.* [Proverbs of the Russian people]. Vols 1–2. 2nd ed. St. Petersburg; Moscow: Tip. T-va M.O. Vol'f.
59. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2000) *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka: okolo 4000 edinit* [Large dictionary of Russian winged words: about 4000 units]. Moscow: Izd-vo "Russkie slovari", OOO "Izdatel'stvo Astrel'", OOO "Izdatel'stvo AST".
60. Mokienko, V.M. (ed.) (2007) *Slovar' russkikh poslovits: okolo 1000 edinit* [Dictionary of Russian proverbs: about 1000 units]. Moscow: Astrel': AST.
61. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Vols 1–17. Moscow; Leningrad: USSR AS.
62. *Vedomosti*. (1905) 18 October. 221. pp. 1.
63. Shelokhaev, V.V. (ed.) (1996) *Partiya "Soyuz 17 oktyabrya". Protokoly s'ezdov, konferentsiy i zasedaniy TsK: v 2 t.* [The party "Union of 17 October". Minutes of congresses, conferences and meetings of the Central Committee: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
64. Kireev, A.A. (2010) *Dnevnik. 1905–1910* [A diary. 1905–1910]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
65. Bitner, V.V. (ed.) (1906) *Slovar' istoricheskoy i sotsial'no-politicheskoy* [A dictionary, historical and sociopolitical]. St. Petersburg: Izdanie "Vestnik Znaniya" (V.V. Bitnera).
66. Bordyugov, G.A. (ed.) (2001) *Politicheskaya politiya i politicheskii terrorizm v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): sbornik dokumentov* [Political police and political terrorism in Russia (second half of the 19th – early 20th centuries): a collection of documents]. Moscow: AIRO-XX.
67. *Zarnitsy*. (1906) 3.
68. Zagrebel'nyy, A.V. (2017) [Paroemia "A walking worker is not a friend to Cossack on a horse" in the Russian language of the beginning of the 20th century]. *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika* [I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics]. Proceedings of the International Conference VI Boduenovskie chteniya [6th Baudouin Readings]. Kazan. 18–21 October 2017. Vol. 1. Kazan: Kazan State University. pp. 100–103. (In Russian).
69. Mel'ts, M.Ya. et al. (eds) (1961) *Posloviitsy, pogovorki, zagadki v rukopisnykh sbornikakh XVIII–XX vekov* [Proverbs, sayings, riddles in manuscript collections of the 18th – 20th centuries]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
70. Permyakov, G.L. (1979) *Posloviitsy i pogovorki narodov Vostoka. Sistematizirovannoe sobranie izrecheniy dvukhsot narodov* [Proverbs and sayings of the peoples of the East. Systemized collection of sayings of two hundred nations]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka".
71. Mel'ts, M.Ya. et al. (eds) (1961) *Sbornik poslovits A.I. Bogdanova* [A.I. Bogdanov's collection of proverbs]. In: *Posloviitsy, pogovorki, zagadki v rukopisnykh sbornikakh XVIII–XX vekov* [Proverbs, sayings, riddles in manuscript collections of the 18th – 20th centuries]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
72. Grot, Ya.K. (ed.) (1891–1930) *Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniem Imperatorskoy akademii nauk* [Dictionary of the Russian language, compiled by the second branch of the Imperial Academy of Sciences]. Vols 1–9. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.

73. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy.
74. Shelokhaev, V.V. (ed.) (1996) № 28. Pervyy Vserossiyskiy s"ezd delegatov "Soyuza 17 oktyabrya". 8–12 fevralya 1906 g. [No. 28. First All-Russian Congress of Delegates of the Union of 17 October. February 8–12, 1906]. In: *Partiya "Soyuz 17 oktyabrya". Protokoly s"ezdov, konferentsiy i zasedaniy TsK: v 2 t.* [The party "Union of 17 October". Minutes of congresses, conferences and meetings of the Central Committee: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
75. *Zarnitsy.* (1906) 5.
76. Shaurov, I.V. (1974) *Vospominaniya uchastnika pervoy russkoy revolyutsii* [Memories of the participant of the first Russian revolution]. 2nd ed. Moscow: Mysl'.
77. Shelokhaev, V.V. (ed.) (1996) Rechi, proiznesennye 5-go noyabrya 1906 g. na obshchem sobranii chlenov S.-Peterburgskogo otdela "Soyuza 17-go oktyabrya" [Speeches delivered on November 5, 1906, at the general meeting of members of the St. Petersburg department of the Union of 17 October]. In: *Partiya "Soyuz 17 oktyabrya". Protokoly s"ezdov, konferentsiy i zasedaniy TsK: v 2 t.* [The party "Union of 17 October". Minutes of congresses, conferences and meetings of the Central Committee: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

Received: 08 October 2018